

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

Со мною
вот что происходит...

Стихотворения

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Е27

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Фотография на обложке:

© Мастюков В., Савостьянов В. / ТАСС / Legion-Media

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Со мною вот что происходит... : стихотворения / Евгений Евтушенко. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-198663-6

Евгений Евтушенко — признанный мастер русского стиха, страстный, наблюдательный, острый поэт, чья лирика полюбилась миллионам читателей со всего света. Неслучайно уже много десятилетий люди читают его знаменитые поэмы, стихотворения «Людей неинтересных в мире нет...», «Со мною вот что происходит...», «Окно выходит в белые деревья...» и множество других. Каждый любитель поэзии найдёт в многогранном таланте Евтушенко что-то своё: острый и современный взгляд на действительность, критический накал, пожары любовных переживаний и философскую глубину мысли.

В сборник «Людей неинтересных в мире нет...» вошли избранные стихотворения поэта, в которых отражается таинственная жизнь души, жаждущей свободы и творчества. Книга поможет читателю не только погрузиться в захватывающие лирические миры Евгения Евтушенко, но и найти собственные жизненные пути, следуя за поэтическим словом как за путеводной звездой.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-198663-6

© Евтушенко Е.А., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

* * *

К. Шульженко

А снег повалится, повалится,
и я прочту в его канве,
что моя молодость повадится
опять заглядывать ко мне.

И поведет куда-то за руку
на чьи-то тени и шаги,
и вовлечет в старинный заговор
огней, деревьев и пурги.

И мне покажется, покажется
по Сретенкам и Моховым,
что молод не был я пока еще,
а только буду молодым.

И ночь завертится, завертится
и, как в воронку, втянет в грех,
и моя молодость завесится
со мною снегом ото всех.

Но, сразу ставшая накрашенной
при беспристрастном свете дня,
цыганкой, мною наигравшейся,
оставит молодость меня.

Начну я жизнь переиначивать,
свою наивность застыжу
и сам себя, как пса бродячего,
на цепь угрюмо засажу.

Но снег повалится, повалится,
закружит все веретеном,
и моя молодость появится
опять цыганкой под окном.

А снег повалится, повалится,
и цепи я перегрызу,
и жизнь, как снежный ком, покатится
к сапожкам чьим-то там, внизу...

1966

* * *

Дорога в дождь — она не сладость.
Дорога в дождь — она беда.
И надо же — какая слякоть,
какая долгая вода!

Все затемненно — поле, струи,
и мост, и силуэт креста,
и мокрое мерцанье сбури,
и всплески белые хвоста.

Еще недавно в чьем-то доме,
куда под праздник занесло,
я мандариновые дольки
глотал непризнанно и зло.

Все оставляло злым, голодным —
хозяйка пышная в песце
и споры о романе модном
и о приехавшем певце.

А нынче — поле с мокрой рожью,
дорога, дед в дождевике,
и тяжелы сырые вожжи
в его медлительной руке.

Ему б в тепло, и дела мало!
Ему бы водки да пивца!
Не знает этого романа,
не слышал этого певца.

Промокла кляча, одурела.
Тоскливо хлюпают следы.
Зекает возчик. Надоело
дождь вытряхать из бороды.

1959

БЕЛЫЕ НОЧИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Белые ночи — сплошное «быть может»...
Светится что-то и странно тревожит —
может быть, солнце, а может, луна.
Может быть, с грустью, а может, с весельем,
может, Архангельском, может, Марселем
бродят новехонькие штурмана.

С ними в обнимку официантки,
а под бровями, как лодки-ледянки,
ходят, покачиваясь, глаза.
Разве подскажут шалонника гулы,
надо ли им отстранять свои губы?
Может быть, надо, а может, нельзя.

Чайки над мачтами с криками вьются —
может быть, плачут, а может, смеются.
И у причала, прощаясь, моряк
женщину в губы целует протяжно:
«Как твое имя?» — «Это не важно...»
Может, и так, а быть может, не так.

Вот он восходит по трапу на шхуну:
«Я привезу тебе нерпичью шкуру!»
Ну, а забыл, что не знает — куда.
Женщина молча стоять остается.
Кто его знает — быть может, вернется,
может быть, нет, ну а может быть, да.

Чудится мне у причала неволью:
чайки — не чайки, волны — не волны,
он и она — не он и она:

все это — белых ночей переливы,
все это — только наплывы, наплывы,
может, бессоницы, может быть, сна.

Шхуна гудит напряженно, прощально.
Он уже больше не смотрит печально.
Вот он, отдельный, далекий, плывет,
смачно спуская соленые шутки
в может быть море, на может быть шхуне,
может быть, тот, а быть может, не тот.

И безымянно стоит у причала —
может, конец, а быть может, начало —
женщина в легоньком сером пальто,
медленно тая комочком тумана, —
может быть, Вера, а может, Тамара,
может быть, Зоя, а может, никто...

15 июля 1964

* * *

Нас в набитых трамваях болтает.
Нас мотает одна маета.
Нас метро то и дело глотает,
выпуская из дымного рта.

В смутных улицах, в белом порханьи
люди, ходим мы рядом с людьми.
Перемешаны наши дыханья,
перепутаны наши следы.

Из карманов мы курево тянем,
популярные песни мычим.
Задевая друг друга локтями,
извиняемся или молчим.

Все, что нами открылось, узналось,
все, что нам не давалось легко,
все сложилось в большую усталость
и на плечи и души легло.

Неудачи, борьба, непризнание
нас изрядно успели помять,
и во взглядах и спинах — сознание
невозможности что-то понять.

Декабрь 1956

СМЕЯЛИСЬ ЛЮДИ ЗА СТЕНОЙ

Е. Ласкиной

Смеялись люди за стеной,
а я глядел на эту стену
с душой, как с девочкой больной
в руках, пустевших постепенно.

Смеялись люди за стеной.
Они как будто издевались.
Они смеялись надо мной,
и как бессовестно смеялись!

На самом деле там, в гостях,
устав кружиться по паркету,
они смеялись просто так, —
не надо мной и не над кем-то.

Смеялись люди за стеной,
себя вином подогревали,
и обо мне с моей больной,
смеясь, и не подозревали.

Смеялись люди... Сколько раз
я тоже, тоже так смеялся,
а за стеною кто-то гас
и с этим горестно смирялся!

И думал он, бедой гоним
и ей почти уже сдаваясь,
что это я смеюсь над ним
и, может, даже издеваюсь.

Да, так устроен шар земной,
и так устроен будет вечно:
рыдает кто-то за стеной,
когда смеемся мы беспечно.

Но так устроен мир земной
и тем вовек неувядаем:
смеется кто-то за стеной,
когда мы чуть ли не рыдаем.

И не прими на душу грех,
когда ты мрачный и разбитый,
там, за стеною, чей-то смех
сочечь завистливо обидой.

Как равновесье — бытиё.
В нем зависть — самооскорбленье.
Ведь за несчастье твое
чужое счастье — искупленье.

Желай, чтоб в час последний твой,
когда замрут глаза, смыкаясь,
смеялись люди за стеной,
смеялись, все-таки смеялись!

5 апреля 1963, Коктебель

* * *

Паровозный гудок,
журавлиные трубы,
и зубов холодок
сквозь раскрытые губы.

До свиданья, прости,
отпусти, не неволь же!
Разойдутся пути
и не встретятся больше.

По дорогам весны
поезда будут мчаться,
и не руки, а сны
будут ночью встречаться.

Опустевший вокзал
над сумятицей судеб...
Тот, кто горя не знал,
о любви пусть не судит.

1951

ВАЛЬС НА ПАЛУБЕ

Спят на борту грузовики,
спят
 краны.
На палубе танцуют вальс
бахилы,
 кеды.
Все на Камчатку едут здесь —
в край
 крайний.
Никто не спросит: «Вы куда?» —
лишь:
 «Кем вы?»
Вот пожилой мерзлотовед.
Вот
 парни —
торговый флот — танцуют лихо:
есть
 опыт!
На их рубашках Сингапур,
пляж,
 пальмы,
а въелись в кожу рук металл,
соль,
 копоть.
От музыки и от воды
плеск,
 звоны.
Танцуют музыка и ночь
друг
 с другом.
И тихо кружится корабль,